

А.А.Лавут

«Атлантический треугольник»: утопия или реальная перспектива?

В статье рассматриваются ведущиеся в Латинской Америке дискуссии о возможном воздействии на ее экономику мегарегиональных соглашений о свободной торговле, прежде всего Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства. Большинство исследователей оценивают данный проект, переговоры о котором между США и Европейским союзом идут с середины 2013 г., как дискриминационный и представляющий серьезную угрозу. В работе также анализируются концепции «Широкой Атлантики» и «Атлантического треугольника», направленные на подключение к проекту других регионов Атлантического бассейна, в первую очередь, латиноамериканского.

Ключевые слова: геополитика, дискриминация, конкурентоспособность, судьба ВТО, реакция латиноамериканских государств.

Существенное изменение и ухудшение международной экономической конъюнктуры — замедление роста в Китае, застой в Европе, значительное снижение цен на сырьевые товары на мировом рынке, сокращение притока иностранного капитала в 2013—2014 гг. привели к заметному ухудшению макроэкономических показателей в странах Латино-Карибской Америки (ЛКА). Темпы роста ВВП региона составили в 2013 г. и 2014 г. соответственно 2,7 и 1,3% против 4-5% в среднем в год в 2004—2012 гг.¹.

После ряда лет успешного развития, быстрого снижения уровня бедности, значительного увеличения численности среднего класса Латинская Америка столкнулась с угрозой отката на маргинальные периферийные позиции в мировой экономике. Реальность подобной угрозы возрастает в связи с тенденцией к объединению ведущих государств Запада (включая Японию и Австралию) в мегарегиональные соглашения, в рамках которых разрабатываются взаимовыгодные правила мировой торговли, в значительной мере дискриминирующие остальные страны. На фоне развития указанных тенденций в правящих, научных и предпринимательских кругах

Анна Абрамовна Лавут — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (lavut@yandex.ru).

региона разворачивается дискуссия относительно возможных последствий заключения странами ЛКА мегасоглашений.

Наибольшую опасность государства региона видят в Трансатлантическом соглашении о торгово-инвестиционном стратегическом партнерстве (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИП) между США и ЕС. Оно не только подрывает конкурентоспособность латиноамериканских товаров на важнейших экспортных рынках, но и претендует на изменение норм регулирования всей глобальной торговли в интересах немногочисленной группы стран.

Между тем ряд политиков и ученых в Европейском союзе (ЕС) и США выступают с предложениями о расширении трансатлантического партнерства на страны Южной Атлантики, прежде всего государства ЛКА, вплоть до создания трансатлантической зоны свободной торговли, что многие эксперты оценивают как утопию.

ОПАСЕНИЯ В ЛКА В ОТНОШЕНИИ ТТИП

Переговоры о ТТИП ведутся Евросоюзом и США с 8 июля 2013 г. Объявленные цели соглашения касаются следующего: доступ к рынкам, включая отмену тарифов во взаимной торговле товарами; облегчение взаимных инвестиций и обмена услугами; отмена нетарифных барьеров, различий в мерах регулирования и стандартах; развитие правил и новых форм сотрудничества в вопросах, выходящих за рамки торговли, таких как интеллектуальная собственность, политика в отношении инвестиций, государственных предприятий и национальной промышленности².

В Латинской Америке мало кто сомневается, что истинные цели этого соглашения намного шире, относятся к сфере геополитики и направлены на изменение существующего международного экономического порядка. ТТИП воспринимается в ЛКА как более опасное соглашение, чем даже Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP), так как TPP касается одного региона, а ТТИП претендует на изменение глобальных правил игры. Директор Отделения внешней торговли и интеграции ЭКЛАК Освальдо Росалес предвидит, что «к 2020 г. нормы и правила международной торговли могут быть пересмотрены с тем, чтобы привести их в соответствие с потребностями глобальных цепочек стоимости^{*}. Это приведет к существенным изменениям в соотношении сил между участниками многосторонней торговли, в тематике международных форумов, организаций. Причем на этот раз, в отличие от предыдущих изменений правил в рамках ГАТТ и ВТО, новые нормы будут, скорее всего, приняты вне ВТО ограниченным кругом стран, тех, которые включены в мировые цепочки. Это очень беспокоит государства ЛКА, которые за очень немногими исключениями мало вовлечены в эти новые формы торговли»³.

^{*} Основными участниками создания глобальных цепочек добавленной стоимости являются страны Северной Америки, Центральной и Восточной Европы и Юго-Восточной Азии — так называемая триада. Обычно эти цепочки состоят из следующих стадий: проектирование, производство, маркетинг, дистрибуция и послепродажное обслуживание потребителя. Эти стадии могут быть разнесены по разным фирмам и странам.

Как отмечают почти все исследователи, латиноамериканские и иностранные, одна из основных проблем, возникающих в связи с мегасоглашениями, особенно с ТТИР, состоит в том, что они могут подорвать существующую многостороннюю торговую систему, в которой центральная роль принадлежит ВТО. В ней регулирование международной торговли осуществляется на основе консенсуса между всеми странами-членами, число которых уже превышает 160. ТТИР касается не столько тарифов, сколько правил торговли, управления мировыми торговыми и инвестиционными потоками. Через механизм принятия новых требований к доступу на рынки США и ЕС для остальных государств мира ТТИР может подменить ВТО. Государства, не участвующие в этом соглашении, обречены пассивно принимать правила, выработанные его членами в собственных интересах в ущерб развивающимся и восходящим государствам.

Известный аргентинский ученый Феликс Пенья считает, что мегасоглашения, прежде всего ТТИР, могут привести к обострению напряженности между мировыми державами. По его мнению, «нынешняя ситуация напоминает отношения между мировыми державами в конце XIX в., которые привели в 1914 г. к мировой войне. В современных условиях ослабление глобального регулирования торговли, ослабление ВТО может усугубить политическую напряженность и разделение стран на группы, противостоящие друг другу. Это создает угрозы для мировой экономики и для международной безопасности»⁴. Подобную точку зрения высказывает и один из крупнейших латиноамериканских ученых, много лет возглавлявший ЭКЛАК ООН и затем Иберо-американский генеральный секретариат, Энрике Иглесиас: «Глобальная опасность этих соглашений состоит в том, что они могут привести к фрагментации мировой торговли, а это может вызвать противоречия, выходящие за рамки торговли, и породить напряженность, угрожающую всем»⁵. Кроме того, подчеркивает Э.Иглесиас, мегасоглашения несут угрозу разделения стран ЛКА, подрыва латиноамериканского единства: «Любой инструмент, который приведет к фрагментации нашего региона, будет иметь весьма негативные последствия для его судьбы»⁶.

Эти опасения вполне обоснованы: мегасоглашения, в первую очередь ТТИР, ставят страны ЛКА перед серьезным выбором — принять новые правила или нет. Очевидно, что решения будут различными, и стремлению государств региона говорить одним голосом, которое породило создание общерегионального Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC), будет нанесен ощутимый удар. Достаточно вспомнить фактический развал Андского сообщества наций (Comunidad Andina de Naciones, CAN) из-за разногласий по поводу подписания Колумбией и Перу соглашений о свободе торговли (ССТ) с США, а потом с ЕС.

Правительства стран ЛКА волнуют многие конкретные вопросы, связанные с содержанием соглашения ТТИР, решение которых имеет большое значение для их внешних связей. В частности, насколько будет либерализована торговля сельскохозяйственными товарами, какими будут правила происхождения товаров, которые будут определять возможность включения в производственные цепочки, как отразится на ЛКА предполагаемое ужесточение норм в отношении торговли ус-

лугами, интеллектуальной собственности, государственных предприятий, инвестиций. На разные страны это влияние будет различным в зависимости от многих обстоятельств — географической и товарной структуры их внешней торговли, степени участия в цепочках, сети их внешнеэкономических соглашений и т.д.

Неизбежным следствием заключения соглашения ТТІР станет изменение торговых потоков — замена торговли США и ЕС с третьими странами взаимным товарообменом, что, скорее всего, больно ударит по латиноамериканским странам, для которых члены ТТІР являются ведущими внешне-торговыми партнерами. То же самое, по-видимому, произойдет и с инвестиционными потоками с не менее серьезными отрицательными последствиями для региона. Несмотря на быстрое повышение роли Китая и других стран Азии в торговле ЛКА, атлантический вектор во внешних связях региона имеет первостепенное значение и по своему объему, разнообразию, качественной структуре торговли, масштабам технического сотрудничества превосходит показатели взаимодействия с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). Поэтому неминуемое снижение доступа латиноамериканских товаров на рынки США и ЕС, уменьшение притока инвестиций оттуда — крайне неблагоприятная перспектива для экономик региона. Представители латиноамериканских стран в ВТО предполагают, что существенная часть их экспорта в США и ЕС будет вытеснена конкурентами соответственно из ЕС и США. Так, аргентинцы опасаются, что их вина, экспортируемые в Соединенные Штаты (Аргентина занимает третье место среди экспортеров вин в США), будут полностью замещены европейскими после снижения тарифов. Подобные опасения высказывают экспортеры мяса из Бразилии, Аргентины, Уругвая. На рынках ЕС латиноамериканские экспортеры сахара, зерновых, молочных продуктов, тканей и одежды могут быть вытеснены производителями из США⁷.

Странам ЛКА будет трудно приспосабливаться к новым нормам — экологическим, нормам качества, безопасности (в частности, в ТТІР будут определены нормы в отношении биотоплива, использования гормонов при выращивании скота, генетически модифицированной продукции и т.д.) Они экспортируют такие продукты и могут столкнуться с препятствиями на многих рынках, так как новые нормы будут играть роль протекционистских барьеров. Переход на новые стандарты потребует крупных дополнительных расходов. Последствия, как предполагают эксперты ЭКЛАК, будут наихудшими для малых стран и предприятий⁸.

Одним из самых негативных следствий ТТІР для государств Латинской Америки станет значительное снижение их самостоятельности в области экономической политики, которая во многом будет определяться нормами, прописанными в соглашении и распространяемыми на торговых партнеров США и ЕС. Когда это соглашение будет подписано, его нормы, касающиеся не только торговли, но и иностранных инвестиций, интеллектуальной собственности, государственных предприятий, закупок, будут включены в местное законодательство стран-членов, и их торговые партнеры будут вынуждены приспосабливаться к ним, чтобы получить доступ к рынкам.

КОНЦЕПЦИИ «ШИРОКОЙ АТЛАНТИКИ» И «АТЛАНТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

По мере того, как в государствах, не участвующих в переговорах о ТТПР, усиливаются опасения и выражения недовольства по поводу дискриминационного характера будущего соглашения, сепаратного изменения правил игры в международных экономических отношениях, некоторые политики, ученые и экономисты в США и ЕС в поисках путей смягчения возникающих противоречий с большинством государств мира выдвигают идеи о необходимости расширения Трансатлантического сотрудничества, привлечения к нему большого числа развивающихся стран бассейна Атлантического океана.

Подобные идеи возникли в первую очередь в Европе, поскольку Атлантика (как северная, так и южная) издавна являлась сферой экспансии европейских держав, создавших систему тесных экономических, политических и культурных связей во всех регионах Атлантики, включая Африку и Латинскую Америку. С распадом колониальной системы трансатлантические отношения все больше концентрировались на оси Север — Север, между США и Западной Европой. Контекст трансатлантических связей существенно изменился в результате мирового финансового кризиса 2008—2009 гг., когда США и ЕС испытали глубокую рецессию, а развивающиеся страны Латинской Америки и Африки благодаря усилению экономических связей с Китаем и другими динамичными экономиками АТР значительно расширили свой экспорт, ускорили темпы роста ВВП. Больших успехов в области повышения финансово-экономической стабильности, заметного сокращения бедности, роста численности среднего класса добились латиноамериканские страны. Одновременно им удалось расширить свое присутствие в наиболее влиятельных международных организациях (ВТО, G-20), проводить независимую внешнюю политику, направленную на развитие взаимовыгодных связей со всеми государствами мира без особой оглядки на реакцию традиционных североамериканских и европейских партнеров. Роль последних во внешнеэкономических связях Латинской Америки снизилась под влиянием расширения торгово-инвестиционного сотрудничества со странами Азии*.

Европа крайне обеспокоена неблагоприятными, прежде всего для нее, сдвигами в мировой торговле, которые затронули также и США. По данным ВТО, наиболее заметный тренд в международном товарообмене в последние десятилетия — снижение доли Севера за счет роста торговли по линии Юг — Юг. В 1990—2013 гг. последняя увеличилась с 8 до 25%, что порождает тенденцию к уменьшению спроса на импорт товаров из традиционных центров мировой экономики, в первую очередь США и Европы. По оценкам экспертов ВТО, к 2030 г. доля торговли Юг — Юг может подняться до 30% мирового товарооборота¹⁰.

* Доля ЕС в латиноамериканском экспорте сократилась в 1990—2013 гг. с 25,4% до 11,4%, в импорте — с 22,9 до 14%, доля США в экспорте ЛКА особенно заметно снизилась в 2000—2013 гг. — с 57,82% до 39,4%, в импорте — с 48,7 до 30,73%. В то же время резко возросла роль Китая — с 1 до 10% в экспорте и с 2 до 15% в импорте, примерно так же повысилось значение торговли ЛКА с другими государствами АТР⁹. Европа уступила Китаю второе место, которое она занимала после США среди основных торговых партнеров стран ЛКА.

Все эти обстоятельства заставили Евросоюз задуматься о пересмотре традиционной концепции трансатлантических связей как отношений между США и Европой, о необходимости более тесной привязки южных регионов Атлантики к экономикам Севера путем расширения сотрудничества во всем бассейне Атлантического океана. Главным кандидатом на включение в трансатлантическое партнерство идеологи «Широкой Атлантики» видели латиноамериканский регион как более продвинутый в экономическом и социальном отношении, политически относительно спокойный и стабильный.

Идея «Широкой Атлантики» получила хождение в Европарламенте сразу после объявления о проекте соглашения ТТИР. Испанский евродепутат Франсиско Мильян Мон в 2013 г. представил доклад, посвященный роли ЕС в более широком трансатлантическом сотрудничестве, включающем страны Южной Атлантики. Он отмечает, что у ЕС есть соглашения с Мексикой, Чили, Перу, Колумбией и государствами Центральной Америки. США также заключили соглашения с теми же странами. Если двусторонние переговоры о ТТИР закончатся успешно, он рекомендует подумать о расширении данного соглашения и о создании огромного пространства торгового и инвестиционного обменов, включающего Мексику, Канаду и ряд латиноамериканских государств. Решение некоторых важных вопросов, например, борьбы с наркобизнесом, по его мнению, требует четырехстороннего сотрудничества, с участием стран Африки¹¹.

Ряд сторонников концепции «Широкой Атлантики» исходят главным образом из опасения оттолкнуть страны Латинской Америки от нового проекта, стремления сохранить с ними крепкие экономические связи и упрочить их. Так, профессор Кильского университета (Германия) Федерик Фодерс предлагает с этой целью в дополнение к ТТИР заключить соглашение о зоне свободной торговли ЕС — ЛКА: «Ведутся переговоры о ЗСТ США и ЕС, но США — член NAFTA, куда входят также Канада и Мексика. Любое соглашение о свободной торговле предусматривает льготы для его участников. В то же время это означает дискриминацию для всех остальных стран. Поэтому было бы желательно подготовить в качестве компенсации этой дискриминации, объектом которой окажется Мексика, второй проект, который был бы дополнением к двусторонним соглашениям между ЕС и странами ЛКА, в том числе Мексикой, Перу, Колумбией. Все знают, что переговоры с Mercosur вряд ли будут успешными, поэтому было бы хорошо заменить их на континентальный проект, охватывающий всю ЛКА от Мексики до Патагонии»¹².

Еще более глубокий и широкий подход к идее включения стран Южной Атлантики в ТТИР как способствующей укреплению системы либерального капитализма высказывают сотрудники МИД Италии политологи Риккардо Алькаро и Эмилио Алессандри: «Такой взгляд (на необходимость пересмотра традиционной концепции трансатлантических отношений. — *А.Л.*) мог бы защитить проект ТТИР от обвинений в том, что это — эксклюзивный клуб. Напротив, он создал бы основу для вовлечения тех стран, которые заинтересованы в сохранении либерального глобального порядка»¹³.

В наиболее развернутой и ясной форме концепция «Широкой Атлантики» представлена в докладе Департамента внешней политики Европарламента «Роль ЕС в развитии более широкого Трансатлантиче-

ского партнерства» (2013 г.). В нем довольно четко определены цели и направленность данной концепции, из чего можно понять интересы стран ЕС, связанные с ТТИР.

Во-первых, в докладе подчеркивается роль Южной Атлантики для безопасности всего Атлантического бассейна, для укрепления демократических ценностей и развития гражданского общества, особенно в Латинской Америке, которая является относительно стабильным регионом, где преобладают демократические правительства, и антизападный радикализм не выражается в крайних формах. «Широкое трансатлантическое партнерство могло бы ослабить угрозы безопасности, исходящие от распространения оружия массового поражения, терроризма и пиратства благодаря улучшению информации и совместным мерам»¹⁴. Во-вторых, с точки зрения ЕС, новое значение Атлантики как региона определяется расширением возможностей латиноамериканских и африканских рынков, необходимостью получения стабильных источников энергии и прочих ресурсов. Большое значение имеют богатые энергетические ресурсы латиноамериканского региона: «Это особенно очевидно в настоящее время, когда США и Бразилия открыли новые обширные месторождения, Венесуэла стоит на пороге политических перемен, когда усиливается конкуренция за сырьевые товары вследствие роста спроса со стороны Индии и Китая»¹⁵. Третий важный момент, обуславливающий необходимость широкого партнерства, — проблемы иммиграции и организованной преступности. Партнерство могло бы способствовать нормализации иммиграционных потоков. Основную трудность в реализации присоединения ЛКА к трансатлантическому партнерству и созданию общей зоны свободной торговли авторы доклада видят в отсутствии организации, которая бы представляла регион в целом и с которой можно было бы вести переговоры. По их мнению, в настоящее время Латинская Америка — это конгломерат стран с различными интересами, и среди них нет такой страны, которая могла бы играть ведущую роль в многостороннем сотрудничестве¹⁶.

Наибольшую активность в обсуждении и постановке вопросов трехстороннего сотрудничества проявляют представители Испании, им принадлежат многие инициативы, направленные на его расширение*. Это неудивительно, поскольку Испания исторически самым тесным образом связана с ЛКА, имеет в регионе значительные интересы. Идеи расширения сотруд-

* Подобные идеи выдвигались в Европарламенте еще в 90-х годах испанским депутатом Хосе Игнасио Салафранка, правда, они не касались Африки, речь шла о развитии трехстороннего сотрудничества Европы, США и Латинской Америки. На эту тему Салафранка подготовил несколько докладов, она обсуждалась в течение ряда лет в Европейской комиссии. Это было связано с планами создания Всеамериканской зоны свободной торговли под эгидой США и со стремлением Европы сохранить свои позиции в регионе в условиях усилившейся конкуренции со стороны США. В результате Еврокомиссия взяла курс на заключение двусторонних соглашений о свободной торговле и других видов сотрудничества с отдельными интеграционными группировками ЛКА. Трехстороннее сотрудничество не получило развития отчасти вследствие провала идеи континентальной ЗСТ, отчасти из-за конкуренции между США и Западной Европой, протекционистских тенденций на рынках по обе стороны Атлантики, мешавших осуществлению идеи Трансатлантического партнерства, выдвинутой также в 90-х годах. Планы трехстороннего сотрудничества вновь стали обсуждаться с момента реанимации Трансатлантического проекта и подготовки к переговорам о ТТИР.

ничества между Европой, Латинской Америкой и США в течение ряда лет обсуждались в рамках Иbero-американского генерального секретариата (Secretaría General Iberoamericana, SEGIB), организации, объединяющей Испанию, Португалию и страны ЛКА. Этим вопросам посвящались семинары, конференции, публикации, ставшие основой концепции «Атлантического треугольника». До начала переговоров о ТТИР она носила довольно расплывчатый характер. Энрике Иглесиас в 2011 г. на одной из конференций формулировал ее следующим образом: «Атлантический треугольник» — это перспектива развития сотрудничества между Европой, Латинской Америкой и Северной Америкой для решения внутренних проблем этих регионов и в то же время для эффективного содействия установлению нового, более справедливого международного порядка»¹⁷. В связи с планами заключения соглашения ТТИР концепция «Атлантического треугольника» оказалась в центре внимания SEGIB, приобретя более конкретное содержание, связанное с участием ЛКА в ЗСТ ТТИР. В SEGIB были проведены широкие обсуждения влияния на страны ЛКА соглашения ТТИР и возможности участия латиноамериканского региона в данном соглашении в качестве равноправной третьей стороны. Сторонники концепции «Атлантического треугольника» высказывают взгляды, совпадающие с положениями доклада Европарламента, они исходят из посылки, что большая часть латиноамериканских государств уже не являются периферией, это страны со средними доходами, крепкими экономиками, завоевавшие прочные позиции на мировой арене. Они, безусловно, составляют часть мирового Запада, представляют большой интерес и как торговые партнеры США и ЕС, и как источники богатых энергетических и прочих природных ресурсов. Соглашение ТТИР, в которое не вошли страны ЛКА, может отдалить их от Европы и США и сблизить с Китаем и другими аутсайдерами мегасоглашений. Чтобы этого не произошло, рекомендуется привлечь все государства региона или часть из них, у которых есть торговые соглашения с ЕС и США, к участию в ТТИР¹⁸.

Некоторые участники дискуссии, подвергли концепцию «Атлантического треугольника» критике за ее нереалистичность. Сусанна Гратиус, профессор международных отношений Мадридского автономного университета, считает: «В литературе широко представлена концепция Атлантического треугольника, но если ее рассматривать с позиций реализма, она есть не что иное, как утопия»¹⁹. С ней согласен известный испанский ученый Антонио Санауха, профессор международных отношений Мадридского университета Комплутенсе. По его мнению, «Атлантического треугольника» в реальности не существует, а есть двусторонние связи между тремя регионами, между ними нет политического или экономического диалога в трехстороннем формате: «Есть логика саммитов Северной Америки и стран ЛКА, саммитов государств ЕС и ЛКА, Трансатлантических саммитов ЕС — США. К этой архитектуре можно прибавить Иbero-американский саммит. В этих двусторонних отношениях есть общие интересы, своя повестка дня, но очень трудно представить этот состав участников, во всяком случае в настоящее время, действующих вместе, а тем более с Африкой, о чем сейчас тоже много говорится»²⁰. А. Санауха аргументирует свой скептицизм в отношении «Атлантического треугольника» тем, что ни одна из предполагаемых сторон треугольника на данный момент не имеет страте-

гии в отношении друг друга, которая отвечала бы вызовам, связанным с мегасоглашениями. Он также ставит под сомнение одно из основополагающих положений данной концепции об общих ценностях, объединяющих три региона. «На самом деле, — замечает А. Санауха, — существуют большие различия между ценностями США, которые не хотят поступиться своей гегемонией в международных делах, и развивающимися странами, требующими изменения международных норм, деколонизации международного права»²¹.

Идея расширения трансатлантического сотрудничества нашла сторонников и в США, и в других частях Атлантики. В США ее продвигает влиятельная неправительственная организация — Атлантический совет, занимающаяся широким кругом международных вопросов, в первую очередь, проблемами атлантической безопасности. В мае 2013 г. созданный при Атлантическом совете Латиноамериканский центр им. Адриенны Аршт опубликовал доклад «Трехсторонние отношения: новая эра для Латинской Америки, США и Европы». В его подготовке приняли участие видные представители североамериканского бизнеса, ученые, эксперты, политики, в том числе зам. госсекретаря США Роберта Джейкобсон. Возглавили работу бывший премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар и экс-сенатор США Кристофер Додд. (Любопытно, что и здесь обнаруживается «испанский след».) Основные идеи этого доклада очень близки к высказанным в упомянутой выше работе Европарламента. В нем отмечаются заметный рост латиноамериканской экономики, расширение регионального рынка, повышение роли стран ЛКА в международных делах, четырехкратное увеличение зарубежных инвестиций латиноамериканских компаний. Эти сдвиги, однако, говорится в докладе, никак не отразились на трансатлантических отношениях, для которых характерна замкнутость США и Европы друг на друга. Авторы доклада считают, что «США, Европа и Латинская Америка вместе должны построить сильное, более равноправное трехстороннее партнерство, основанное на общности интересов (экономических и интересов безопасности) и ценностей... Вовлечение Латинской Америки в эти отношения как равного партнера — главная предпосылка для их прогресса во всех сферах — экономической, дипломатической, энергетической, безопасности»²². В докладе разработаны следующие основные рекомендации в отношении конкретных действий: «Три стороны должны начать процесс устранения барьеров в торговле и инвестициях. В частности, возможно, следует поднять вопрос, вызывающий серьезные противоречия, о снижении сельскохозяйственных субсидий в ЕС и США, которые мешают латиноамериканскому экспорту. Нужно также обсудить проблему сотрудничества в энергетике, чтобы изменить существующий порядок в этой области ... Латинская Америка уже является крупным производителем энергии — нефти, газа, гидроэнергии, термальной, биотоплива. Сильное партнерство в сфере ресурсов будет иметь стратегическое значение для нового трансатлантического сообщества и его конкурентоспособности в глобальной экономике»²³.

Другая известная организация США — Фонд Германа Маршалла — также уделяет большое внимание вовлечению стран Латинской Америки в Трансатлантическое партнерство. Деятельность фонда направлена на укрепление сотрудничества между США и Западной Европой в духе Плана

Маршалла²⁴. Совместно с марокканским «ОСР Policy Center» фонд финансирует исследовательскую программу «Широкая Атлантика», нацеленную на изучение трансатлантических отношений по линии Север — Юг и Юг — Юг, включая роль Африки и Латинской Америки, а также проблем Атлантического бассейна в целом.

В работах, финансируемых фондом, отмечаются большое значение региона для безопасности и торговли США и ЕС, и вместе с тем рост тревожных для Запада тенденций к увеличению влияния Китая в торговле и инвестициях, к протекционизму, повышению роли государства в экономике²⁵. Для укрепления либерального капитализма и противодействия указанным тенденциям предлагается расширить экономическое сотрудничество с Югом Атлантики, прежде всего в торговле, и дать государствам Юга надежду на подключение к ТТП в будущем, хотя, как считают авторы работы «Торговля в Широкой Атлантике», «Пока соглашение остается сделкой только между США и ЕС. Время для ЗСТ всего Атлантического бассейна еще не наступило»²⁶.

Нетрудно заметить, что возможность реализации идеи широкого атлантического сотрудничества в близкой перспективе вызывает большие сомнения у многих ее сторонников. Хотелось бы рассмотреть этот вопрос более подробно, поскольку он имеет важное значение не только для сторон предполагаемого «треугольника».

РЕАЛИЗУЕМА ЛИ ИДЕЯ «АТЛАНТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»?

Анализ дискуссий о трехсторонних отношениях позволяет выделить, наряду со множеством противоречий и проблем, наличие определенной общности интересов, которая создает возможности для достижения в будущем каких-то договоренностей и компромиссов. И США с ЕС, и страны ЛКА являются друг для друга важными экономическими партнерами, и первая и вторая группа стран обеспокоена перспективами утраты своих позиций на рынках друг друга, стремится их сохранить и расширить. Невозможно отрицать и значение культурной, языковой, религиозной общности всех частей «треугольника». Между США и ЕС, с одной стороны, и ЛКА — с другой существуют значительная взаимодополняемость экономик, и взаимный интерес в тесном сотрудничестве. США и ЕС заинтересованы в ЛКА как в источнике природных ресурсов, растущих рынках, стратегических союзниках в деле утверждения западных ценностей и укрепления мирового Запада. Для ЛКА Евросоюз и США — крупнейшие традиционные рынки разнообразных товаров, источники передовых технологий, инвестиций. Таким образом, идея создания трехсторонней зоны свободной торговли имеет серьезные основания.

Вместе с тем в обозримой перспективе идея такого партнерства может осуществиться лишь частично, если иметь в виду включение в ТТП всех стран региона, поскольку многие государства ЛКА являются противниками неolibеральной модели развития, навязываемой членам подобных соглашений. На наш взгляд, абсолютно утопичным является представление сторонников концепции «Атлантического треугольника» о возможности равноправного характера сотрудничества участников трехстороннего соглашения. Даже если США и ЕС пригласят латиноамериканские государ-

ства в ТТІР, они сделают это только после заключения двустороннего соглашения, все условия которого будут уже согласованы и утверждены, и остальным странам придется их пассивно принять.

Тем не менее, ряд государств ЛКА, имеющих соглашения с США о свободной торговле и с ЕС об ассоциации (шесть стран Центральной Америки и Доминиканская Республика, Мексика, Колумбия, Перу, Чили), в значительной степени готовы к участию в ТТІР, благодаря ранее заключенным соглашениям. Для них подключение к ТТІР в той или форме выглядит закономерным движением в направлении укрепления своих позиций на крупнейших мировых рынках, расширения возможностей внедрения в глобальные цепочки добавленной стоимости. Особенно это необходимо Мексике, которая в противном случае утратит свои конкурентные преимущества на рынке США. Неудивительно, что Мексика, как и Канада, заявила о своем желании присоединиться к переговорам о ТТІР. Пока им было в этом отказано, но они изучают различные возможности подключения. Одна из таких возможностей — подписание соглашения нового поколения между NAFTA и ЕС. Луис де ла Калье, один из ведущих мексиканских экспертов, предложил, чтобы Мексика и Канада заранее, еще до утверждения ТТІР в конгрессе США, самостоятельно приспособили свои внешне-торговые правила и стандарты к нормам ТТІР и гармонизировали эти правила в рамках NAFTA²⁷.

Значительная часть государств ЛКА может выступить решительно против участия в ТТІР, как прямого, так и косвенного, через соглашения с США или ЕС о свободной торговле, основанные на тех же принципах, что и ТТІР. США усиливают давление на страны ЛКА, вынуждая их принять новые правила путем заключения ССТ. С этой целью они существенно сократили список стран, на которые распространяется их Генеральная система преференций, под тем предлогом, что это страны, достигшие среднего уровня доходов. Из него исключены все государства Общего рынка стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), кроме Парагвая. Точно так же поступили и страны ЕС: с января 2014г. они пересмотрели список государств, пользующихся односторонними преференциями на их рынках, исключив из него страны со среднедушевым доходом выше 4 тыс. долл. Перспектива ухудшения доступа товаров на рынок ЕС заставила Эквадор подписать соглашение о свободной торговле с ЕС в июле 2014 г., хотя ранее он был против подобных соглашений.

Большинство стран Боливарианского альянса (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA) и Mercosur в течение последнего десятилетия категорически отказывались от этих соглашений, которые выходили далеко за рамки обычных товарных преференций и за рамки ВТО. Если переговоры о ТТІР будут успешно завершены, что, несмотря на существенные противоречия между США и ЕС по ряду вопросов, весьма вероятно, поскольку выгоды для обеих сторон очень значительны, государства, входящие в ALBA и Mercosur, окажутся перед трудным выбором между ТТІР и ВТО. Выбрав ВТО и отказавшись от сближения с ТТІР через ССТ, они могут утратить возможности включения в глобальные цепочки добавленной стоимости, при этом перспективы их доступа на внешние рынки сократятся. По мнению мексиканского ученого Густаво Веги, «они будут обречены на прогрессирующую маргинализацию»²⁸. Возможно, что

многие из них решат сохранить свой суверенитет, рискуя остаться вне глобальных цепочек добавленной стоимости. Если они экспортируют в основном минеральное сырье, то их риск невелик. Ряд стран могут отказаться от выполнения новых правил, если решат, что у них мало шансов конкурировать на североатлантических рынках сельскохозяйственных и промышленных товаров. Наконец, они могут строить свои внешнеторговые стратегии, основываясь на региональной интеграции или на интеграции с государствами Азии.

Резонно предположить, что некоторые из стран Mercosur и ALBA будут искать механизмы, которые позволят им избежать отклонения товарных и инвестиционных потоков. Какие варианты для них возможны? В настоящее время просматривается вариант подписания ими соглашений об ассоциации с ЕС и через сотрудничество с ЕС приближение к нормам ТТІР. Подобное соглашение уже подписано Эквадором в 2014 г. Страны Mercosur также с 2013 г. существенно активизировали переговоры с ЕС о заключении соглашения об ассоциации, которые ведутся с 1999 г., надолго прерываясь из-за противоречий, главным образом, по поводу условий торговли сельскохозяйственными и промышленными товарами. Mercosur настаивает на ликвидации сельскохозяйственных субсидий в ЕС, а государства Европы в свою очередь требуют снижения протекционизма в отношении южноамериканских промышленных товаров. Наиболее жесткую позицию занимает Аргентина, которая проводит политику реиндустриализации по методу замещения импорта. Уругвай и Парагвай, напротив, давно выступают за расширение внешних рынков и подписание договоров о свободной торговле с широким кругом стран, включая ЕС и США. Бразильские предпринимательские организации, ранее защищавшие протекционизм, теперь оказывают давление на правительство с целью изменения внешнеторговой политики в сторону большей открытости; в частности, они заинтересованы в скорейшем заключении соглашения с ЕС, а также в расширении торговли с другими странами мира, в том числе с США.

Соглашения с ЕС для стран Mercosur и ALBA, для большинства правительств которых характерен антиамериканизм, представляются более приемлемой для них альтернативой договорам о свободной торговле с США, хотя по существу оба типа соглашений очень мало отличаются друг от друга. Соглашения с ЕС несколько более гибки в отношении сроков исполнения обязательств, они включают положения о сотрудничестве в социальной сфере и в области технологического развития. Возможно, что некоторые государства ALBA сочтут их меньшим злом, чем договоры с США, и таким образом, подавляющее большинство стран ЛКА будет связано соглашениями с ЕС, что в дальнейшем облегчит им доступ к рынкам ТТІР.

Что касается торгово-политических отношений ЛКА с США, то похоже, в них намечаются некоторые сдвиги. Барак Обама в 2014 г. выступил с инициативой восстановления дипломатических отношений с Кубой, пойдя навстречу требованиям стран ЛКА о восстановлении членства Кубы в ОАГ и об ее участии в Саммите Америк. Кроме единой позиции всех государств Западного полушария в отношении Кубы, изменить политику в этом вопросе Вашингтон побудило, по-видимому, растущее присутствие и влияние в регионе Китая, а также России. Китай продвигается в освоении лати-

ноамериканских рынков чрезвычайно высокими темпами. В ноябре 2014 г. 33 страны ЛКА — члены CELAC приняли решение о создании Форума сотрудничества с Китаем. В феврале 2015 г в Пекине в рамках этого форума Китай провозгласил широкую программу сотрудничества с ЛКА, по своему масштабу превосходящую программу «Союз ради прогресса», выдвинутую в 1961 г. президентом Джоном Кеннеди. Программа предусматривала предоставление государствам региона 20 млрд долл. помощи в течение десяти лет*. В конце 2013 г. в американской прессе появились сообщения о том, что администрация США изучает возможность разработки нового регионального плана торговли между США и ЛКА. Об этом заявил госсекретарь США Джон Керри в интервью корреспонденту «The Miami Herald». Речь шла о плане возрождения идеи создания зоны свободной торговли Западного полушария, на этот раз путем включения в NAFTA сначала стран Центральной Америки и Карибского бассейна, «а затем Южной Америки, поскольку некоторые южноамериканские государства не хотят иметь более тесных экономических отношений с США»³⁰. Этот план администрация США намеревалась обсудить с остальными членами NAFTA, но дальнейших действий в этом направлении пока не последовало. В марте 2015 г. Б.Обама пригласил президента Бразилии Дилму Руссефф посетить США с государственным визитом, чтобы обсудить торговые отношения между двумя странами. Возможно, Вашингтон хочет прояснить позицию Бразилии и линию поведения стран Mercosur по вопросу о мега-соглашениях.

Тенденции к активизации латиноамериканской политики США дают основание предположить, что американская администрация может выступить, наконец, с новыми инициативами в отношении ЛКА, чтобы усилить свое экономическое и политическое влияние на континенте, которое за последнее десятилетие заметно ослабло. Не исключено, что эти инициативы могут включать какие-то формы подключения стран ЛКА к ТТИР, возможно, через расширение NAFTA.

Можно представить себе множество различных сценариев развития событий в мире и ЛКА в случае подписания ТТИР, но почти во всех представляется наиболее вероятным разделение региона на две части. Одна из них — страны, в той или иной форме подключенные к трансатлантическому партнерству и принимающие новые правила игры, и другая часть — те, кто не согласен играть по этим правилам. Вторая группа государств должна будет опираться на ВТО и региональную интеграцию, возможно, на расширение сотрудничества с BRICS. Ключевой вопрос — куда пойдет Бразилия, единственная страна, способная создать региональный мегаблок и возглавить в ВТО сопротивление мегасоглашениям. По нашему мнению, Бразилия постарается совместить защиту центральной роли ВТО в регулировании мировой торговли и свое место лидера развивающихся стран в данной организации с мерами, обеспечивающими ей доступ на некоторые

* Программа, предложенная Китаем, названа «1+3+6», включает один пятилетний план (на 2015—2019 гг.), три движущих силы (торговля, инвестиции и сотрудничество) и шесть основных областей сотрудничества (финансы, инфраструктура, энергетика, промышленность, сельское хозяйство, наука). Она предусматривает удвоение в течение десяти лет товарооборота Китая с ЛКА, доведение его до 500 млрд долл., а также рост китайских прямых инвестиций до 250 млрд долл.²⁹.

рынки США и ЕС. Ее особое положение в регионе и среди развивающихся стран может позволить ей добиться уступок от североатлантических партнеров.

Для нашего времени характерны очень быстрые, резкие, не всегда благоприятные для мирового сообщества изменения тенденций развития в политике, экономике и прочих сферах. Мы теперь часто наблюдаем события, которые раньше казались невозможными. На наш взгляд, идея «Атлантического треугольника» не столь уж утопична, как она представляется некоторым весьма уважаемым исследователям. Частично она может быть реализована в недалеком будущем. В то же время целый ряд государств ЛКА, по-видимому, откажутся от участия в подобных проектах. Во всяком случае, маловероятно, что такие страны, как Бразилия и Аргентина, будут пассивными свидетелями изменения правил международной торговли. Они, безусловно, постараются активно участвовать в их выработке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe 2014. Santiago de Chile, p. 55.

² Подробнее о соглашении ТТИР см.: А.А.Лавут. Мегаблоки — вызов Латинской Америке. — Латинская Америка, 2014, № 6.

³ The TTIP: The Transatlantic Trade and Investment Partnership between the European Union and the United States. Joaquín Roy and Roberto Domínguez (editors). Miami-Florida European Union Center/Jean Monnet Chair, 2014 p. 200.

⁴ CEPAL. Primer Foro de la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños (CELAC) y China. Santiago, Chile, 2014, p. 20; www.felixpena.com.ar/index.php?con/marzo de 2014

⁵ FLASCO. Las Américas y la Unión Europea ante los nuevos escenarios en las relaciones comerciales y políticas, 2014. Costa Rica, p. 26.

⁶ Ibidem.

⁷ EU-LAC. Gloria Carrion Fonseca. Transatlantic Trade and Investment Partnership between EU and the US: Challenges and Opportunities for Bi-regional Relations between EU and Latin America. Gamburg, 2014, p. 33.

⁸ La Alianza del Pacífico y el Mercosur: hacia una convergencia en la diversidad. Santiago, 2014, c. 25.

⁹ SELA. Relaciones económicas y de cooperación entre América Latina y el Caribe y los países de la Unión Europea: situación actual y perspectivas ante la 11 Cumbre CELAC—UE de 2015. Caracas, 2014, p. 15.

¹⁰ WTO. World Trade Report 2014. Geneva, 2014, p. 42.

¹¹ <http://dw.de/p/19CO1/zona-transatlantica-de-libre-comercio>. 23.07.2013

¹² www.dw.de/actualidad/economia/s-30684

¹³ R. Alcaro, E. Alessandri. A Deeper and Wider Atlantic. Rome, 2013, p. 12.

¹⁴ EU. The role of the EU in promoting a broader Transatlantic partnership, 2014, p. 7.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ EU. The role of the EU in promoting a broader Transatlantic Partnership, February 2013.

¹⁷ SEGIB. Europa y las Américas. ¿Por fin, un Triángulo Atlántico?, Madrid, 2012, p. 11.

¹⁸ Материалы этих дискуссий были опубликованы в работах: Las Américas y la Unión Europea ante los nuevos escenarios en las relaciones comerciales y políticas. FLASCO. Posibilidades y límites del Triángulo Atlántico. Costa Rica, 2014.

¹⁹ Ibid., p. 26, 110.

²⁰ Ibid., p. 124.

²¹ Ibid., p. 111.

²² Adrienne Arsht Latin America Center. The Trilateral Bond. Mapping a New era for Latin America, the United States and Europe. — www.acus.org/program/Adrienne-arsht-center, December 8, 2014.

²³ Ibidem.

²⁴ Фонд создан в 1972 г. как неприбыльная непартийная организация США на средства, подаренные ФРГ в память о Плане Маршалла, предусматривавшего экономическую помощь послевоенной Европе. Он поддерживает институты, политиков, предпринимательские организации, работающие в области трансатлантических связей, финансирует научные исследования, анализирующие эти вопросы. Фонд имеет представительства во многих странах по обе стороны Атлантики — в Вашингтоне, Берлине, Париже, Брюсселе, Белграде, Анкаре, Бухаресте, Варшаве, Турине, Стокгольме.

²⁵ См.: R.A l c a r o, E.A l e s s a n d r i. Op. cit.; GMF. Trade in Wider Atlantic and Transatlantic Trade and Investment Partnershp. Casablanca, 2014..

²⁶ Ibidem.

²⁷ www.americasquarterly.org/content/policy/27/11.2014

²⁸ G.V e g a C a n o v a s. The TTIP between the European Union and the United States. Miami, 2014.

²⁹ www.sela.org/view/index.asp 14.02.2015

³⁰ <http://en.mercopress.com/2013/12/20>